

**МИМИКРИЯ КАК СПОСОБ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ
В ПОСТФЕВРАЛЬСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СИБИРИ
(МАРТ — ОКТЯБРЬ 1917 Г.)**

В статье проанализированы различные технологии приспособления населения Сибири к социально-политическим условиям постфевральского периода, в основе которых лежит принцип подражания. Выявлен ряд базовых поведенческих стандартов, ценностных установок, символов, речевых клише, ставших общепринятым образцом, на который ориентировались люди, публично демонстрируя свою лояльность новой власти. Данный образец, обеспечивавший идентификацию человека со сторонником революционных перемен, позволял массам интегрироваться в новую социально-политическую систему, заняв в ней безопасную нишу, и служил целям самозащиты. Делается вывод, что политическая мимикрия позволяла стать частью этой системы лишь условно, лишив ее реальной социальной опоры и обусловив ее нестабильность.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., Сибирь, власть и общество, политическая адаптация, политическая мимикрия.

Февральская революция 1917 г. по своему историческому значению является одним из ключевых событий в социально-политической истории России XX в. Имея колоссальный потенциал позитивных преобразований, революция по своей сути была общественным кризисом, поскольку нарушила привычные основы существования социума, вызвала быстрые и радикальные перемены. В этих условиях проблема политической адаптации встала остро сразу как перед людьми, так и перед властью. Перед людьми потому, что в бифуркационной среде решается вопрос не только о выборе оптимально удобной ниши существования, но зачастую и о выживании вообще. В то же время именно от успеха адаптивных процессов в политической сфере зависела судьба Февральской революции и созданной ей государственной системы.

Изменения в социально-политическом строе, вызванные революцией, выразились не только и не столько в разрушении или трансформации имевшихся и возникновении новых политических институтов. Изменения коснулись базовых принципов социально-политической организации общества: происходила замена политических ценностей старого режима ценностями, соответ-

ствовавшими политической системе демократического образца. В связи с этим происходили трансформации и в характере взаимоотношений между властью и обществом.

Институциональный подход в изучении феномена революции следует дополнить исследованием субъективной стороны отношений «власти-подчинения», проявляющейся в повседневном взаимодействии людей с властными структурами и друг с другом. Исследователь Л.В. Корель высказала предположение, что «адаптирующийся субъект в системах с бифуркационной траекторией развития вынужден под воздействием обстоятельств экстренным образом менять прежде всего свои стандарты поведения, сохраняя на относительно длительное время неизменной структуру сознания»¹. Потому анализ поведенческих практик людей во всем их многообразии, концентрация внимания на участии в революции «маленького человека» позволит увидеть революционные события изнутри и получить более полное и объективное представление о происходивших в России пертурбациях.

Советская историография Февральской революции уделяла внимание преимущественно вопросам организации и функционирования социально-политических институтов и большевистской партии. Основными исследованиями по данной проблематике являются книги В.П. Сафронова², М.М. Шорникова³, С.А. Сидоренко⁴, В.Т. Агалакова⁵, Е.Н. Бабиковой⁶. Однако за пределами внимания исследователей остались проблемы политических настроений основной массы людей, практик их поведения и мотивов их поступков. За типичными авторскими клише, описывающими энтузиазм или сочувствие общества тем или иным мероприятиям субъектов революционного политического процесса, не слышно голоса самого народа, а ведь его реакция на происходящее, формы

¹ Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005. С. 334.

² Сафронов В.П. Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 – март 1918 г.). Красноярск, 1962. 723 с.

³ Шорников М.М. Большевики Сибири в борьбе за победу Октябрьской революции. Новосибирск, 1963. 647 с.

⁴ Сидоренко С.А. Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социалистической в Сибири (март – апрель 1917 г.). Челябинск, 1970. 244 с.

⁵ Агалаков В.Т. Советы Сибири (1917–1918 гг.). Новосибирск, 1978. 255 с.

⁶ Бабикова Е.Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980. 159 с.

выражения лояльности и недовольства были куда более разнообразны, чем те, о которых скупо говорилось в историографии.

При этом исследователи Февральской революции 1917 г. показали, что население Сибири не оставалось безучастным к произошедшим в стране переменам. Проявив высокую степень социально-политической активности, городские и сельские жители включались в обсуждение актуальных проблем, участвовали в революционных преобразованиях, входили в состав различных общественно-политических организаций, внося свой вклад в разрешение злободневных вопросов. Разумеется, основное внимание исследователи уделяли участию рабочих в революционном процессе. Освещаемое в монографии Д.М. Зольникова¹ членство рабочих в советах, профсоюзах, общественно-политических организациях, участие в работе съездов и совещаний не охватывает собой все возможные формы политизации людей. За этим остается огромный пласт повседневных практик, которые представляют человека революционной эпохи не пассивным объектом политического процесса, а его полноправным участником.

На современном этапе исследований сделан значительный шаг вперед. В.А. Дробченко² в книге, посвященной общественно-политической жизни в Томской губернии, значительное внимание уделил социокультурным условиям, в которых происходил революционный процесс, а также проанализировал психосоциальные установки действий основных групп населения губернии. С.В. Максимов посвятил свою диссертацию социальным ожиданиям народа как фактору углубления и развития революций 1917 года³. Таким образом, можно наблюдать усложнение проблематики исследований, посвященных Февралю в Сибири, а также переход к изучению непосредственно опыта человека в революции.

Значительный вклад в разработку новых подходов в изучении истории Февральской революции 1917 г. внесли В.П. Булдаков и П.В. Волобуев, представившие в 1995 г. доклад на XVIII Междуна-

¹ *Зольников Д.М.* Рабочие Сибири в годы Первой мировой войны и Февральской революции. Новосибирск, 1982. 208 с.

² *Дробченко В.А.* Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 2010. 550 с.

³ *Максимов С.В.* Социальные ожидания народа в контексте политического процесса в Енисейской губернии в условиях революционного кризиса 1917–1918 годов: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2000. 193 с.

родном конгрессе исторических наук¹. Переосмыслению истории революции способствовала деятельность Научного совета РАН «История революций в России», в рамках которого велась разработка исследований «Человек и революция в XX в.». Этой теме был посвящен ряд конференций, результатом работы которых стали сборники материалов «Революция и человек: социально-психологический аспект»² и «Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль»³. Эти и другие сборники статей⁴ отражают возросший интерес исследователей к роли рядового человека в революции: авторы занимаются проблемами массового сознания, мировосприятия, поведенческих стратегий в экстремальных условиях.

Исследование революции требует обращения к проблеме поведения масс. В.Л. Харитонов отметил огромную роль «стихийных сил массового движения» в Феврале 1917 года⁵. Общественной психологии петроградских обывателей посвятил статью И.Л. Архипов⁶. Комплексным исследованием данной тематики занимался В.П. Булдаков⁷. Его монография «Красная смута» посвящена эскалации насилия в процессе революционной трансформации общества. В книге воссоздан психологический облик основных действующих лиц событий 1917 г., исследованы различные формы психопатологического и девиантного поведения масс, проанализированы последствия революционного насилия. Эта книга В.П. Булдакова, а

¹ Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. М., 1996. № 5–6. С. 28–38.

² Революция и человек: социально-психологический аспект. Материалы конф., 28–30 ноября 1994 г. / Отв. ред. П.В. Волобуев. М., 1996. 223 с.

³ Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. Материалы всерос. науч. конф., 14–15 ноября 1995 г. / Отв. ред. П.В. Волобуев. М., 1997. 223 с.

⁴ См., например: Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. Материалы коллоквиума, 11–15 января 1993 г. / Отв. ред. В.Ю. Черняев. СПб., 1994. 444 с.; 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению / Отв. ред. П.В. Волобуев. М., 1997. 399 с.

⁵ Харитонов В.Л. Февральская революция в России (попытка многомерного подхода) // Вопросы истории. М., 1993. № 11/12. С. 18–26.

⁶ Архипов И.Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. М., 1994, № 7. С. 49–58.

⁷ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / изд. 2-е, доп. М., 2010. 967 с.

также другие исследования автора¹, в которых были предложены новые методологические подходы, стали значительным шагом на пути освещения социально-психологической стороны революционного процесса 1917 г. и выходом на новый уровень осмысления этой проблемы.

Опубликован ряд исследований, освещающих частные проблемы революции. Организация символического пространства являлась важным элементом, формирующим социокультурный фон революции, а значит и определяющим стратегии политического поведения. Изучением данной темы занимался П.К. Корнаков, опубликовавший статью, посвященную знаменам Февраля². Позже автор более детально разработал проблему революционной символики, отразившей социально-психологические особенности русской революции³. Ряд вопросов, касающихся символического пространства революции, освещен в совместной монографии Б.И. Колоницкого и О. Файджеса⁴. Также Б.И. Колоницкий опубликовал самостоятельное исследование «Погоны и борьба за власть в 1917 году»⁵. Тогда же в свет вышла его книга «Символы власти и борьба за власть», в которой автор акцентирует внимание на конфликте вокруг старых государственных и новых революционных символов⁶. Б.И. Колоницкий занимается не простым опи-

¹ *Булдаков В.П.* К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи (методологический аспект) // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 4–17; *Он же.* Имперство и российская революционность // Отечественная история. М., 1997. № 1. С. 42–60; *Он же.* Истоки и последствия солдатского бунта: психология «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 208–211; *Он же.* От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 55–75.

² *Корнаков П.К.* Знамена Февральской революции // Геральдика. Материалы и исследования. Л., 1983. С. 12–26.

³ *Корнаков П.К.* Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 356–365.

⁴ *Orlando Figes, Boris Kolonitskii.* Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven, 1999. 198 p.

⁵ *Колоницкий Б.И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001. 84 с.

⁶ *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. 349 с.; *Он же.* Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. 318 с.

санием, а стремится связать культивирование новых символов с утверждением новой психологии масс.

В целом основной массив исследований основывается на анализе событий в Петрограде. В коллективной монографии «Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны»¹ рассматривается организация власти, повседневный быт горожан, торговля и распределение, политические настроения различных социальных слоев, культурная жизнь города. Книга дает общее представление о заявленной теме, хотя каждая глава может стать предметом самостоятельного крупного исследования. Особенности жизни обывателей в период революции, военного коммунизма и нэпа посвятил ряд своих книг С.В. Яров². Автор приходит к интересным выводам о том, что политическая идентификация петроградцев зависела от социально-экономических условий и социально-культурной принадлежности человека и редко имела собственно политическую подоплеку. Однако широкие хронологические рамки не позволили автору уделить достаточно внимания проблемам, связанным с периодом именно революции. Отдельного внимания заслуживает книга С.В. Ярова «Конформизм в советской России: Петроград 1917–1920-х годов», в которой изучаются инструменты подчинения и лаборатории конформизма³. Несмотря на то, что исследование описывает явления советского периода истории, теоретические положения книги стоят вне хронологических границ. Автор концентрирует внимание на анализе системы условий, ритуалов, сценариев, языковых практик, способствовавших обращению в «нового советского человека»⁴. Помимо изучения различных форм агитации и пропаганды и таких лабораторий конформизма, как клубы, библиотеки, театры, через которые человек приспосабливался к новой действительности, С.В. Яров рассматривает проблему языка как еще одной конформистской лаборатории. Соответствующая глава может по праву считаться наиболее значимой

¹ Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. 348 с.

² Яров С.В. Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. 319 с; *Он же*. Пролетарий как политик: политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999. 223 с.

³ *Он же*. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006. 570 с.

⁴ Там же. С. 6.

в книге: автор весьма наглядно демонстрирует, как усвоение речевых кодов власти, являющееся формой политического приспособленчества, позволяло подстраиваться под новые условия и продолжать в них жить и работать.

Существуют интересные исследования, посвященные российской провинции. Казанский историк В.М. Бухараев опубликовал ряд статей о психологии и поведении жителей провинциального города¹. О повседневной жизни Урала в годы революции написал монографию И.В. Нарский². Исследователь акцентирует внимание на технологиях выживания населения в условиях катаклизмов революции. При этом в книге И.В. Нарского обыватель сам активно выступает творцом революции, провоцируя дальнейшее развитие революционного хаоса. Следует выделить диссертацию О.В. Ольневой, посвященную повседневной жизни Ярославской губернии в 1917 году³. Автор делает попытку подойти к проблеме комплексно и уделяет внимание общественным настроениям, формированию нового символического пространства, изменению быта, развитию социальных аномалий.

Разумеется, историография Февральской революции значительно шире. Но выше перечисленные книги и статьи позволяют увидеть тенденцию в развитии изучения данной проблемы. При этом, несмотря на значительное число исследований, освещающих различные аспекты повседневного взаимодействия власти и общества периода революции 1917 г., эта тема нуждается в дальнейшем глубоком изучении. Необходимо также активнее вовлекать в разработку материал российской провинции.

Центральная проблема данной статьи — формальное превращение жителей Сибири в революционеров — политическая мимикрия. Ранее уже был отмечен рост политической активности населения. В этом можно видеть, с одной стороны, проявление изменения политического сознания общества, а также революционного энтузиазма, бывшего результатом менявшихся социально-

¹ *Бухараев В.М.* Провинциальный обыватель в конце XIX — начале XX века: между старым и новым // Социальная история: Ежегодник, 2000. М., 2000. С. 19–33.

² *Нарский И.В.* Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. 632 с.

³ *Ольнева О.В.* Повседневная жизнь провинциального города в 1917 году: по материалам Ярославской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005. 211 с.

политических условий. С другой стороны, объяснять происшедшие перемены возросшей сознательностью населения — значит идеализировать это общество и упрощать сложный и противоречивый комплекс причин. Поскольку события в России разворачивались с невиданной скоростью, то для обывателя понять и осознать их представлялось невозможным. Потому в публичных взаимодействиях с властью человеку приходилось подстраиваться — хотя бы внешне — под определенный поведенческий шаблон, чтобы не стать жертвой возникших обстоятельств.

Касаясь вопроса публичных проявлений отношений «власти-подчинения», следует обратиться к теории американского антрополога Джеймса Скотта¹. Скотт предлагает различать публичный транскрипт и скрытый транскрипт во взаимодействии власти и общества. Под публичным транскриптом автор подразумевает внешнюю часть властной практики, где «в публичной коммуникации отражается принятие подвластными определенных норм подчинения и уважения к властвующим, необходимое для избегания наказания, приспособления к системе и выживания»². Эта интеракция между субъектом и объектом власти складывается из многочисленных ритуалов и символических актов, что можно назвать своеобразным политическим спектаклем³. В публичном транскрипте власть господствующих обычно вызывает непрерывный поток проявлений почтения, уважения, благоговения, восхищения, пиетета и даже поклонения⁴. Таким образом достигается консенсус в определенном видении мира и легитимации соответствующего когнитивного порядка, на основе которого конструируется социально-политическая реальность⁵.

Каждодневные шествия и манифестации, митинги и сходки, официальные праздники и массовые церемонии, проходившие по всей России, поддерживали постоянную коммуникацию властей и общества. Образец для подражания давался всем, кто участвовал в ритуале, а в общественное сознание внедрялись представления

¹ *Scott J.C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts.* New Haven, 1990. 269 p.

² *Ледяев В., Ледяева О.* Многомерность политической власти: концептуальные дискуссии // *Логос.* № 4–5 (39). 2003. С. 25.

³ См. подробнее: *Edelman M.J. Constructing the Political Spectacle.* Chicago, 1988. 137 p.

⁴ *Scott J.C. Domination and the Arts of Resistance...* P. 93.

⁵ *Ледяев В., Ледяева О.* Многомерность политической власти... С. 26.

режима о должном. Революционные ритуалы, санкционированные и поддержанные властями, способствовали консолидации масс, объединяя представителей разных социальных групп и политических взглядов, развивали единодушие в подвластных¹. Вовлекая в свою орбиту массы, революционные ритуалы служат эмоциональному сплочению, способствуя возникновению у их участников чувства своего рода групповой солидарности. Также они выполняют функцию самоутверждения власти, популяризации ее политических идей и целей, ее легитимации и подтверждения лояльности к ней граждан. Поддаваясь общему настроению, массы воспринимали новый порядок вещей. Очевидец происходившего — солдат — в своем письме родным сообщал следующее: «...теперь все ходят веселые, друг друга приветствуют, пожимая руки, собираются в кружки, организуют общества, в которых обсуждают разные вопросы... [...] кажется, теперь свет другой, как после долгой зимы — красная весна, вливающая в душу каждого жизнь и радость, и только хочется жить и жить. Теперь мы все — граждане, все равны, нет сословий, нет народностей, нет различия и по религии, а все члены одной семьи и должны одно мыслить, одно делать — все для блага родины»².

Для начала нужно разобраться, что представлял собой после февральских событий 1917 г. типичный обыватель — участник праздничных манифестаций и член различных общественно-политических организаций. Опоясанный красной лентой или с красным бантиком на одежде, он шел в колонне таких же митингующих и скандировал выведенные на красных знаменах лозунги «Свобода, равенство и братство» и проч. Пел «Вечную память» или «Марсельезу», пел везде: на очередных собраниях партий или трудовых коллективов, на митингах, на праздниках, подобных тому, что прошел в России 10 марта. «Целый день народ пел, пел свободно и от чистого сердца, революционные песни... Была пасха, без звонов колоколов, но музыка радостной жизни, озарившей Россию, была в душе каждого!», — писала газета, романтизируя происходящее³. Вчерашний верноподданный царя в мгновение

¹ См. подробнее: *Буддаков В.П.* Имперство и российская революционность... С. 47; *Никулин А.М.* Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Серия Социология. 2003. № 1(4). С. 135.

² Сибирская жизнь (Томск). 1917. 23 марта.

³ Сибирская жизнь. 1917. 12 марта.

превратился в гражданина и именоваться как-либо иначе не желал. Лексикон его обогатился словами «демократия», «республика» и т. д. Публика обзавелась и своими кумирами. Из Сибири возвращались находившиеся на каторге и в ссылке политзаключенные, и на станциях собирались толпы народа, желавшие увидеть героев революции, чьи имена были известны каждому. Обязательным стало иметь у себя портреты революционных деятелей, которые предлагали издательства, местные отделы партий и фотографические салоны¹. В угоду моменту кинематограф стал предлагать киноленты, с одной стороны, порицавшие прошлое, а с другой стороны, восхвалявшие подвиг героев-революционеров. Политизировался досуг обывателя. В целом можно сказать, что люди в постфевральский период стали жить по некому неписанному протоколу: их публичное поведение, речь и даже манера одеваться были пронизаны революционным пафосом. Это можно назвать отражением подчинения в его повседневных проявлениях. Но что за этим стояло?

Обыватель, даже не разбираясь в тонкостях политики, но следуя веянию революционного времени, принимал участие в общественно-политической жизни, добываясь некоторых результатов. Идеи демократического переустройства общества поддерживали и те слои населения, которые традиционно находились на консервативных позициях. Духовенство изъявило готовность «содействовать Временному правительству в скорейшем установлении прочного государственного строя через посредство Учредительного собрания»². Служители церкви обязательно присутствовали на манифестациях, а в церквях в честь нового правительства были отслужены торжественные молебны³. Как и представители всех социальных слоев, духовенство включилось в политическую жизнь, направляя своих представителей в КОБы⁴, а на волостном уровне священники порой непосредственно руководили организацией населения и созданием местных комитетов⁵. Но зачастую население относилось к представителям церкви с недоверием. Священников обвиняли в обмане народа: «...вы давно должны

¹ Сибирская жизнь. 1917. 15, 16 марта, 14 апреля.

² Сибирская жизнь. 1917. 9 марта.

³ Голос Сибири (Новониколаевск). 1917. 11 марта; Сибирская жизнь. 1917. 14, 15, 23 марта, 14 апреля.

⁴ Сибирская жизнь. 1917. 9 марта.

⁵ Сибирская жизнь. 1917. 12 марта.

были нам сказать правду о царе, а вместо этого вы нас заставляли с детства молиться „за благочестивейшего“»¹. Потому для представителей церкви, для бывших царских чиновников и вообще для всех тех, кто в сознании народа был тесно связан с монархией, выражение лояльности к революционным переменам было особенно актуально.

Революционная эйфория длилась недолго. Со временем свобода собраний и союзов стала вырождаться в нечто совершенно карикатурное. Массовое стремление принять участие в судьбе обновленной России было наполнено множеством курьезов, проистекавших из гражданской незрелости масс, отсутствия достаточного опыта участия в общественно-политической жизни. Получив ранее невиданные возможности, аполитичный и инертный прежде обыватель начал действовать так, как умел, применяя известные и понятные ему методы. Союзы и лиги организовывались повсеместно и нередко ради самой возможности воспользоваться правом организации союзов. На принимаемые решения оказывали влияние эмоции и прагматичный личный интерес. В итоге действия подменялись разговорами и написанием резолюций, преобладал митинговый способ решения вопросов, работа представляла собой нечто сумбурное. Наряду с действительно сознательными гражданами в КОБах, народных собраниях, советах, профсоюзах оказались случайные люди: значительная часть членов организаций числилась в них формально, никакой работы не вела, лишь платила взносы. Для некоторых людей это был просто способ реализации личных амбиций и канал проникновения во власть. Свобода союзов породила организации с весьма сомнительной репутацией, а также ряд организаций-призраков, существование которых является сомнительным (под оба эти критерия попадает, например, «Лига свободной любви» в Барнауле)².

То же самое происходило и со свободой собраний. Манифестации и митинги, цель которых заключалась в том, чтобы сплотить народные массы в борьбе за свои идеалы, не всегда могли привлечь участников, ставших относиться к данным формам волеизъявления весьма инертно³. По этому поводу можно высказать разные предположения. Возможно, население стало сознательнее

¹ Сибирская жизнь. 1917. 3 июня.

² Сибирская жизнь. 1917. 25 июля.

³ Сибирская жизнь. 1917. 15 июля.

относиться к распорядку трудового дня, не желая тратить рабочие часы на посторонние дела. Действительно, высказывались здравые мысли о том, что всему свое время: «...такие увеселительные манифестации возможны только при победах и вообще при ликованиях страны. Ныне же, когда погруженная в скорбь Россия находится на краю гибели [...] у нас в Томске устраиваются манифестации с музыкой и песнями. [...] Грустно смотреть на это»¹. Но была и другая сторона у этого явления. Очевидно, что люди уже не верили во всеобщее единение и считали митинги бессмысленным занятием, не способным повлиять на власть и заставить ее прислушаться к требованиям народа. Куда более перспективными были иные способы воздействия.

Свободу поняли весьма своеобразно, особенно в крестьянской среде. Например, в Нарымском крае, получив откуда-то сведения о переходе всей земли в их пользование, крестьяне захватили участок земли при метеорологической станции². Также крестьяне занялись самовольной ловлей рыбы и порубкой лесов³. Это явление П.А. Сорокин назвал «деформацией рефлексов собственности»⁴. В этом самовольстве со ссылкой на «свободу» смешались бунтарство и практический интерес: действия масс зачастую носили эмоциональный характер, но в них нашли выражение социальные надежды населения на перестройку жизни на новый лад. С одной стороны, можно списать подобные факты на малограмотность населения, неумение разобраться в политических тонкостях, осознать рамки возможностей, предоставляемых свободой. Это приводило к тому, что свои стремления массы реализовывали в знакомых им примитивных формах. С другой же стороны, это была прагматичная политическая игра, в которой люди успешно манипулировали политическими лозунгами в своих интересах.

Жизнь шла под знаком всяческих «свобод»: свободы совершать убийства и грабежи, свободы захватывать чужое имущество, свободы пренебрегать распоряжениями властей. Типичный пример дают события в селе Ирбейское Енисейской губернии, где

¹ Сибирская жизнь. 1917. 19 июля.

² Сибирская жизнь. 1917. 25 мая.

³ См.: Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.): сборник документальных материалов. Томск, 1957. С. 64, 70; Установление Советской власти в Кузбассе (1917–1919): сборник документов. Кемерово, 1957. С. 56–57, 68–70, 72.

⁴ См. подробнее: *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2005. С. 101–118.

была арестована женщина, своеобразно понявшая «свободу» и усиленно агитировавшая за погром лавок¹. Даже бытовое хулиганство прикрывалось лозунгом «свободы». «Что хотим, то и делаем, потому — свобода!», — объяснял житель Красноярска позицию солдат, запугавших своими выходками город². На злобу дня появилось стихотворение Ветлужского под названием «Свободное „творчество“»:

«Что ж это, где наш новый строй?
Порядок где в стране свободной?
Убийства, кражи и разбой,
Грабеж открытый, всенародный!»³.

В целом же в политической деятельности жителей Сибири можно увидеть не самостоятельность, а подражание — подражание лидерам и действительно сознательным и заинтересованным в общественно-политической работе гражданам⁴. Это объясняет столь активное увлечение политикой масс: участие в собраниях, членство в общественно-политических организациях и проч. Подражание даже на уровне идей: выступление под революционными лозунгами нередко тоже фикция. Потому интерес к политике был неустойчивым: обыватель легко увлекался, но также легко отказывался от участия в рутинной деятельности, требующей отдачи. Это похоже на подражание детей поведению взрослых: происходила некая игра в политику⁵. В сочетании с болезненной реакцией на не дающий ожидаемого эффекта осторожный курс правительства это приводило к известному результату: революционный энтузиазм масс сменялся индифферентностью.

Важную роль в феномене революционного подражания сыграла политическая символика. Одним из таких символов нового революционного времени был красный цвет⁶. Красный помогал идентифицировать себя: каждый, кто хотел продемонстрировать

¹ Сибирская жизнь. 1917. 19 марта.

² Сибирская жизнь. 1917. 16 мая.

³ Сибирская жизнь. 1917. 3 июня.

⁴ См. подробнее: *Бехтерев В.М.* Избранные работы по социальной психологии. М., 1994. 399 с.

⁵ Кстати, сами дети тоже подражали революционному поведению взрослых. См., например: Сибирская жизнь. 1917. 26 апреля, 13 августа.

⁶ См. подробнее: *Архипов И.Л.* Общественная психология петроградских обывателей... С. 49–58; *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть... С. 250–285.

лояльность по отношению к новым порядкам, должен был поднять над домом красный флаг, прикрепить на одежду красный бант. Красный становится и элементом униформы революционного времени: дружинники крепили к своим головным уборам красные милиционные кокарды¹. Разумеется, праздники и манифестации не обходились без красных полотнищ и лент. Так, в Томске к празднику 10 марта дома были украшены вензелями с надписями и красными знаменами. Участники празднества повязали красные банты, которые продавали тут же, в толпе, опоясанные через плечо красными лентами девушки и юноши. Впереди каждой воинской части, принимавшей участие в параде, развевались красные знамена с надписями «Да здравствует демократическая республика», «Учредительное собрание» и прочие².

Революционные символы, в том числе красный цвет, быстро внедрялись в повседневную жизнь, не оставив в ней места ничему, что как-либо ассоциировалось со старым строем. В Томске курьезный случай произошел с ректором и профессором Томского университета И.Н. Грамматикати, украсившим свой дом двумя трехцветными флагами, какие он обыкновенно вывешивал в праздничные дни ранее. Толпа эти флаги сорвала и уничтожила³. Новый символ способствовал разделению общества на «свой — чужой». Толпа агрессивно воспринимала любое напоминание о царском режиме, поэтому сочувствующим монархии приходилось приспосабливаться к существующим реалиям, «пришпилив красный бантик»⁴.

Красный стал в 1917 г. своего рода «защитным цветом», с одной стороны, а с другой стороны, неким атрибутом, дающим власть и оправдывающим любые действия. Житель села Онгудай Бийского уезда жаловался, что работа в волостных и сельских инородческих комитетах не налажена. Это не удивительно, поскольку Урскульским волостным комитетом руководил «бывший поп, а теперь „человек с красным бантиком“»⁵. В Барнауле в состав думы попал бывший уголовный каторжанин — некто Фролов, ставший членом партии социал-демократов: «По указу Временного правительства 19 марта 1917 г. он был амнистирован и, укра-

¹ Сибирская жизнь. 1917. 9 марта.

² Сибирская жизнь. 1917. 12 марта.

³ Сибирская жизнь. 1917. 16 марта.

⁴ Сибирская жизнь. 1917. 4 июня.

⁵ Сибирская жизнь. 1917. 21 июня.

сивши свою грудь красным бантом, явился в гор. Барнаул, записался в партию и попал в отцы города»¹. Вообще в Барнауле нередко можно было встретить «разгуливающими амнистированных из тюрьмы уголовных преступников с красными бантами на груди...»². Еще один пример связан с деятельностью депутата Томского народного собрания Л.А. Пичугина в селе Алтайское Бийского уезда: «С красными знаменами он и его приверженцы ходили по селу и арестовывали всех, стоящих на их пути»³.

Данные явления были типичными приметам того времени, характерными для Сибири вообще. Весьма емко высказался об этой проблеме А.В. Адрианов: «Мы, действительно, живем под знаком всяческих „свобод“ — свободы совершать убийства, грабежи и кражи всякого рода, свободы лгать и передергивать в печати, только завернувшись в тогу демократа и пришивив красный бантик, свободы бесчинствовать, заниматься перлюстрацией, арестовывать кого вздумается. Все можно проделать, лишь бы это было во славу освобожденной России!...»⁴.

Характерной приметой нового времени стало и обогащение лексикона жителей Сибири новыми терминами. Однако понятия усваивались только на уровне языка, а смысл слов «демократия» или «республика» оставался для обывателя зачастую неясным. Потому, подражая (не всегда адекватно) революционной речи и активно используя новые термины, люди вкладывали в них свое собственное содержание⁵.

Отдельного внимания заслуживает обращение «гражданин», которое ввела революция, провозглашая всеобщее равенство. «Нет больше в России сословных разделений, есть одно свободное звание „граждане“, — писала газета «Сибирская жизнь»⁶. Внедряя этот термин в массы, пропаганда предполагала внедрить и соответствующие для «гражданина» образ жизни и образ мысли: «...необходимо, чтобы каждый на своей повседневной работе удвоил свои силы и был постоянно на своем месте не как только наемный работник, но как гражданин, работающий сознательно

¹ Сибирская жизнь. 1917. 4 октября.

² Там же.

³ Сибирская жизнь. 1917. 22 июня.

⁴ Сибирская жизнь. 1917. 4 июня.

⁵ См. подробнее: *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926) / изд. 2-е. М., 2003. 247 с.

⁶ Сибирская жизнь. 1917. 8 апреля.

не за страх, но за совесть, сознающий, что своим трудом в общей массе граждан созидает фундамент гражданской свободы»¹.

Распространение обращения «гражданин» действительно могло служить своеобразным критерием проникновения революционных идей в провинцию. Однако вероятнее, что это было лишь влиянием революционной моды. Гражданином мог именоваться любой, не заслуживающий этого звания, даже беглый каторжник². Нередко новое обращение соседствовало с привычными «господин» и «государь» или превращалось в «милостивый гражданин»³. И со временем оно прочно вошло в обиход. Когда Г.Н. Потанин, выступая перед публикой, обратился к ней «милостивые государыни и милостивые государи», это вызвало возмущение⁴. Ранее этот титул, «государь», был лишь безобидным шаблоном, но в новых условиях в него стал вкладываться негативный смысл. И когда все разом стали гражданами, то уже не терпели к себе иного обращения. Называя себя «гражданами», люди акцентировали внимание на том, что они теперь равноправные члены общества обновленной свободной России. Существовала установка на закрепление в массовом сознании нового обращения и соответствующих ему норм поведения и мышления, привития политической грамотности: появлялись специальные издания для «граждан», например, «Политический справочник свободного российского гражданина»⁵. Однако сами люди забывали о необходимости принять на себя обязанности и ответственность, присущую гражданину.

Если каждый желал именоваться «гражданином», то никто не хотел быть назван «буржуем». Таким образом происходила идентификация себя с «революционным гражданином» посредством противопоставления себя «буржую»⁶. Использовался этот термин весьма по-разному. Мнимых и реальных противников революции, которых винили во всех происшествиях, именовали «буржуями», хотя часто их образ был очень расплывчатым. Здесь можно провести аналогию с некими «темными силами» — собирательным об-

¹ Сибирская жизнь. 1917. 10 марта.

² Сибирская жизнь. 1917. 10 июля.

³ Сибирская жизнь. 1917. 2 июля.

⁴ Сибирская жизнь. 1917. 1 июля.

⁵ См.: Сибирская жизнь. 1917. 17 мая; *Архипов И.Л.* Общественная психология петроградских обывателей... С. 51.

⁶ См. подробнее: *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. М., 2004. 816 с.

разом врага. В то же самое время «буржуями» называли громил, хулиганов, воров, предателей и мародеров¹. Зачастую причисление отдельных лиц к «буржуям» происходило из-за непохожести быта и образа жизни представителей разных слоев общества, а нередко определялось внешними признаками: к этой категории относили всех, носящих очки, шляпы, шляпки². «Буржуем» могли окрестить даже нуждающегося сельского учителя³. Здесь мы видим социокультурный конфликт. В свою очередь «неприязнь к чужому стилю одежды, речи и поведения в силу ряда объективных условий того времени приобретала политические контуры»⁴. Постепенно слово «буржуй» и вовсе превратилось в презрительное ругательство. В целом же антибуржуазные настроения носили ситуационно-эмоциональный характер, а политические и этические термины легко смешивались⁵.

Политизировался повседневный язык людей. Язык этот имел оценочный характер, маркируя явления и людей, служил целям самозащиты и самооправдания. «Будем гнать самогонку и варить пиво и никто нам не указ — мы вольные граждане», — так оправдывали свои действия солдаты села Крапивино Кузнецкого уезда⁶. При этом речь людей была, если подчас и груба и безыскусна, то обязательно эмоциональна, окрашена яркими эпитетами (насколько говорящему позволял его культурный и образовательный уровень). Исследователь В.М. Живов очень точно называет революционный язык «символическим индикатором новой лояльности»⁷. Говоря на языке власти, человек в некотором роде заверял ее в своей благонадежности — «играл» по правилам. За быстро укоренившимися в языковой среде штампами можно было спрятаться или даже использовать эти штампы в своих целях, повышая свой социально-политический статус.

Как можно видеть, новая жизненная среда требовала от людей перестройки их сознания и образа жизни под новые социокуль-

¹ Сибирская жизнь. 1917. 3 августа, 14 сентября.

² Сибирская жизнь. 1917. 6 августа.

³ Сибирская жизнь. 1917. 16 сентября.

⁴ Яров С.В. Пролетарий как политик... С. 221.

⁵ Булдаков В.П. Имперство и российская революционность... С. 47; Яров С.В. Конформизм в Советской России... С. 212–213.

⁶ Сибирская жизнь. 1917. 26 сентября.

⁷ Живов В.М. Язык и революция. Размышления над старой книгой А.М. Селищева // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). С. 190.

турные и социополитические нормы, составлявшие комплекс зарождавшейся национально-государственной идентичности. Эти нормы принадлежали к субкультуре революционеров и после Февраля 1917 г. получили статус официальных и общеобязательных. Население было готово следовать этим нормам. Одной из причин были распространившиеся среди народа воодушевление и даже революционная эйфория, значение которых нельзя недооценивать, как и нельзя отрицать искренность в проявлении сочувствия к революционным идеалам со стороны населения. Революция, знаменовавшая собой начало новой России, воспринималась как светлый праздник, как чудо. От революции ждали конкретных социальных и политических изменений, причем очень скорых и радикальных. Ведь население полагало, что новая власть может все. Одухотворенные открывшимися перед ними новыми возможностями, люди были готовы поддержать власть, а значит и культивируемый ею образец подчинения со стороны подвластных, реализуемый в ряде форм, проанализированных в статье.

При этом идентификация с революционной культурой, по сути, была вынужденной, а представления рядового обывателя об этой культуре были весьма поверхностными. Поэтому революционность населения оказывалась лишь внешней, формальной. Иные же формы поведения, иное отношения к сложившейся реальности казалось для человека невозможным, потому как это означало бы, что он идет против официальной нормы, а значит, находится вне социально-политической системы, становясь «чужим». Этот статус мог повлечь за собой порицание со стороны общества, а также наказание со стороны власти. Приспосабливаясь к новым обстоятельствам и стараясь быть «как все», люди, как минимум, пытались выжить, а кто-то стремился получить выгоду от своей «революционности» (и иным это удавалось). Люди практиковали так называемые «лукавые типы поведения», реализующиеся в стремлении найти наиболее удобные поведенческие ниши и использовать в собственных интересах существующие правила игры¹.

На словах исповедуя идеалы революции, человек оставался самим собой — тем же политическим невеждой, тем же пережившимся монархистом или даже уголовником. В этом отношении очень показателен эпизод, произошедший с М.А. Спиридоновой.

¹ См. подробнее: *Левада Ю.А.* Сочинения: проблема человека / Сост. Т.В. Левада. М., 2011. С. 197–223.

Когда из Сибири возвращались в европейскую часть России политссылные, толпы народа собирались на железнодорожных станциях, чтобы поприветствовать своих кумиров. Марию Александровну также встречали с цветами и оркестром, устраивали торжественные митинги. Но на пути ее следования случилось неприятное происшествие: «Во время проводов Марии Спиридоновой на ст. Красноярск карманниками обворованы около 20-ти чел. [...] А в поезде во время пути к Ачинску у М.А. Спиридоновой украли часы и мешок с вещами...»¹. Воров не остановил даже непререкаемый авторитет революционерки.

Проблема заключается в том, что власть не могла ничего сделать с подобным «лукавством». Пока еще слабые властные структуры, лишь деградировавшие из-за вторжения в политику неискушенного в ней населения, не были способны призвать к порядку и заставить людей подчиняться их требованиям. Как только власти пытались обуздать своеволие народа, их авторитет падал. Приходилось вести очень осторожную политику. Согласно суждению П.А. Сорокина, революция привела к деформации рефлексов повиновения и властвования². В обычное время, благодаря нормальному функционированию этих рефлексов, выстраивается соответствующая им система взаимоотношений, предполагающая сохранение порядка. Но в ходе революции рефлексы повиновения у значительной части населения стали угасать, как и угасали рефлексы властвования у агентов власти. В результате разрывались связи стимулов и реакций: на стимул повиновения не отвечали послушанием. И страх наказания за отклонение от нормы стал угасать. Усугублялось это тем, что получить от революции обыватели хотели все и сразу — устанавливались высокие стандарты требований к властям. Реально же воплотить в жизнь требования масс в желаемых формах и масштабах не представлялось возможным. Революция из «великой» превращалась в революцию несбывшихся надежд. Это приводило к обострению чувства депривации, что является воспринимаемой разницей между ценностными ожиданиями (тем, что люди, как они считают, заслуживают) и ценностными возможностями (тем, что они в действительности могут получить)³. В итоге, чувствуя себя обману-

¹ Сибирская жизнь. 1917. 4 июня.

² Сорокин П.А. Социология революции... С. 74–89.

³ Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005. С. 59.

тым, обыватель все чаще не считал нужным выказывать даже демонстративную лояльность.

Этот декларативный характер лояльности, подменявший собой реальную лояльность по отношению к власти, а значит и ее реальную поддержку населением, сыграл печальную роль. Новая социально-политическая система была непрочной, потому что люди стали ее частью лишь условно. Обыватели создавали иллюзию крепости этой системы, и в первую очередь именно власть оказывалась в заблуждении, считая, что у нее есть опора в народной среде. Эпоха перемен — эпоха нестабильная, а настроения масс амбивалентны: демонстративный восторг, отчасти основанный на самообмане, соседствует со скрытым недоверием¹. Напряжение, возникшее вследствие обострения чувства депривации, заставило сбросить ширму, ранее скрывавшую недовольство масс. Тем самым открывалась возможность направить это диффузное недовольство на конкретный объект — силы, находящиеся у власти после Февраля 1917 г. Возникла альтернатива силового захвата власти со стороны более решительных политических оппонентов, которые в дальнейшем смогли с помощью жестких репрессивных мер заставить уважать властный авторитет.

¹ См. подробнее: *Левада Ю.А. Сочинения...* С. 174–196.